

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Перевод с английского *Е. Кудашевой*

Джером, К. Джером.
Д40 Трое в лодке, не считая собаки : [роман] / Джером К. Джером ; [перевод с английского Е. Кудашевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-17-118269-4 (С.: Лучшая мировая классика)
Серийное оформление и дизайн обложки В. Воронина

ISBN 978-5-17-119557-1 (С.: Зарубежная классика)
Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Совершенно невероятная история путешествия троих безработных английских джентльменов, пустившихся в плавание по Темзе вместе со своим любимцем — фокстерьером Монморанси.

Забавные недоразумения, веселые коллизии и полные комизма ситуации, из которых герои выходят, сохраняя истинно британское чувство собственного достоинства, и сегодня поражают своей оригинальностью и неувядающим юмором.

Кроме того, джентльмены честно пытаются идти в ногу с прогрессом — и овладеть последним достижением современной техники.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-118269-4
ISBN 978-5-17-119557-1

© ООО «Издательство «АСТ», 2020

Предисловие

Главная красота этой книги заключается не столько в ее литературном слоге или в количестве и полноте содержащихся в ней сведений, сколько в ее простодушной правдивости. Страницы ее являются записью действительных событий. Оставалось только слегка расцветить их; но за это не взималось дополнительной платы. Джордж, Гаррис и Монморанси — не поэтические идеалы, но существа из плоти и крови, — в особенности Джордж, который весит около ста семидесяти фунтов. Другие сочинения могут превзойти это глубиной мысли и знания человеческой природы; могут соперничать с ним оригинальностью и размерами; но в отношении безнадежной и неисправимой правдивости ничто из доныне открытого не в состоянии превзойти его. Более всех прочих его прелестей упомянутое свойство увеличит ценность этим рассказам в глазах вдумчивого читателя и придаст лишний вес уроку, преподанному им.

*Лондон,
август 1889*

I

Трое больных. — Страдания Джорджа и Гарриса. — Жертва ста семи смертельных недугов. — Полезные рецепты. — Исцеление болезней печени у детей. — Мы сходимся на том, что переутомились и нуждаемся в отдыхе. — Неделя на волнующейся пучине. — Джордж предлагает реку. — Монморанси заявляет протест. — Первоначальное предложение принимается большинством трех голосов против одного

Нас было четверо — Джордж, Вильям Сэмюел Гаррис, я и Монморанси. Мы сидели в моей комнате, покуривая и толкуя о том, как мы плохи, — разумеется, я хочу сказать, с медицинской точки зрения.

Все мы расклеились и серьезно этим озаботились. Гаррис объявил, что на него временами находят такие необычайные приступы головокружения, что он сам не знает, что делает; а потом Джордж сказал, что с ним случаются также припадки головокружения и тогда он едва знает, что делает. Что до меня, у меня была не в порядке печень. Знал же

я это потому, что только что прочел рекламу патентованных пилюль для печени, в которой описывались различные симптомы, помогающие человеку распознать, что его печень не в порядке. У меня имелись все до одного.

Странное дело, я не могу прочесть ни одного объявления о каком-нибудь новоизобретенном средстве от той или иной болезни, не убедившись в то же время, что я страдаю ею, и притом в самой злокачественной форме.

Я всегда нахожу у себя все ее признаки и симптомы.

Помню, как-то раз, чувствуя себя не совсем здоровым (кажется, это была простая лихорадка), я пошел в библиотеку Британского музея посмотреть в медицинском справочнике, какими средствами нужно лечиться от лихорадки. Я добыл книгу и вычитал все, что мне было нужно, затем, от нечего делать, начал перелистывать ее дальше, изучая разные болезни. Не припомню теперь, что первое попало мне на глаза, — знаю только, что это был какой-то страшный, губительный недуг, один из бичей человечества. Еще не дочитав до конца описи симптомов болезни, я уже убедился, что она гнездится в моем теле.

Оледенев от ужаса, я несколько минут сидел без движения, потом с горя начал перелистывать дальше. Наткнулся на тифозную горячку, просмотрел симптомы и обнаружил, что я, несомненно, болен тифом, болен уже несколько месяцев, сам

того не зная! Надо посмотреть, нет ли еще чего? Дошел до пляски святого Витта, — так и есть, и тут все признаки налицо. Это меня заинтересовало, и я решил узнать всю правду до конца. Прочел о перемежающейся лихорадке и узнал, что болен и ею, но острый период наступит только через две недели. Брайтова болезнь у меня была, но, к счастью, в легкой форме: с этим можно еще жить, и довольно долго. Зато холера оказалась у меня с тяжелыми осложнениями, а дифтерит, должно быть, у меня был врожденный. Словом, я добросовестно перебрал все болезни по алфавиту и пришел к заключению, что у меня нет только одной — хронической язвы голени!

Вначале я даже немного обиделся, точно мне оказали неуважение. Что за гнусность! Почему бы у меня не быть и хронической язвы голени? Почему она должна составлять исключение? Однако, поразмыслив немного, я успокоился. Ведь, кроме нее, у меня были все болезни, известные медицине. Надо умерить свой эгоизм и как-нибудь обойтись без хронической язвы голени. Злостная подагра уже давно терзала меня, а я даже и не подозревал о ее присутствии. Это была последняя болезнь, описанная в справочнике, так что и болеть мне больше было нечем.

Я сидел и раздумывал о том, какой я интересный субъект с медицинской точки зрения и какой находкой был бы я для медицинского факультета. Студентам не пришлось бы бегать по госпиталям —

я один стою целого госпиталя! Студентам достаточно было бы изучить одного меня, чтобы сдать экзамен и получить докторский диплом.

Далее я задался вопросом: много ли еще мне осталось жить? Я попробовал сам себя исследовать. Стал щупать пульс, но сначала не мог даже найти его. Потом пульс вдруг забился, и очень сильно. Я вынул часы, стал считать и насчитал 147 ударов в минуту. Попытался выслушать сердце, но и сердца не мог найти. Оно перестало биться.

В конце концов я поневоле пришел к убеждению, что оно все время оставалось на месте и, следовательно, должно было биться. Но найти его я все же не мог, почему — объяснить не сумею. Я ощупал свою грудь, начиная с того места, которое я называю своей талией, и вплоть до головы, ощупал бока, даже закладывал руку за спину — все напрасно! Я ничего не чувствовал и не слышал. Оставалось осмотреть язык. Я высунул его, насколько мог, закрыл один глаз и начал присматриваться другим. Виден был самый кончик. Из этого осмотра я вынес только одно: окончательное убеждение в том, что у меня скарлатина!

Я вошел в читальный зал здоровым, счастливым человеком, а вышел из него еле волоча ноги, дряхлой развалиной.

Я немедленно отправился к своему доктору. Мы с ним старые друзья. Когда мне кажется, что я болен, он щупает у меня пульс, смотрит язык, болтает о погоде и не берет денег; поэтому я решил,

Трое в лодке, не считая собаки

что мне, по всей справедливости, следует пойти к нему и теперь. Я говорил себе: «Что нужно доктору? Практика. Я дам ему практику. В смысле практики я стою сотни обыкновенных пациентов, у которых не бывает больше, чем по одной, по две болезни!»

Итак, я отправился прямо к нему. Прихожу. Он спрашивает:

— Ну-с, что с вами такое?

— Милый друг, — говорю я, — не хочу отнимать у вас золотого времени и потому не стану рассказывать, что со мной. Жизнь коротка, и вы можете умереть раньше, чем я окончу. Я лучше скажу вам, чем я не болен. Я не болен хронической язвой голени. Почему я ею не болен — сказать не сумею, но факт остается фактом: этой болезни у меня нет. Зато все остальное налицо.

И я рассказал ему, как я пришел к такому заключению.

Доктор велел мне расстегнуться, смерил меня взглядом, завладел моей рукой, стукнул меня по груди в такой момент, когда я этого вовсе не ожидал (по-моему, это низость), и сейчас же вслед за тем боднул меня головой в бок. Затем он сел, написал рецепт, сложил его и подал мне, а я, не читая, сунул его в карман и ушел.

Войдя в первую попавшуюся аптеку, я подал рецепт провизору. Он прочел и возвратил мне его обратно, говоря, что «этого они не держат».

— Как, разве здесь не аптека?

— Вот именно, аптека! Будь у меня гостиница с рестораном, я мог бы помочь вам, а теперь — извините. Я — аптекарь, а не трактирщик!

Я развернул рецепт и прочел:

«1 порция бифитекса и 1 бутылка портера каждые 6 часов. По утрам гулять не меньше двух часов.

Ложиться спать ровно в 11 и не забивать себе голову вещами, которых не понимаешь».

Я в точности исполнил предписание доктора, и результат получился блестящий, — для меня лично, — так как я до сих пор жив и не собираюсь пока умирать.

В данном случае, если мы возвратимся к рекламе пилюль для печени, симптомы, вне сомнения, оказывались налицо, причем главным из них было «общее нерасположение к работе какого бы то ни было рода».

Никаким языком не выразить, как я страдаю в этом отношении. Я был мучеником с самого раннего детства. В отрочестве едва ли я знал день отдыха от этой болезни. В то время не подозревали, что она происходит от печени. Наука медицины не достигла еще тогда теперешнего развития, и все сваливали на лень.

— Ах ты, скверный бесенок, — бывало, говорят мне, — поворачивайся-ка, потрудись-ка и ты за хлеб насущный! — не зная, разумеется, что я болен.

И пилюлями меня тогда не кормили, а кормили тумачами по голове. И, как это ни покажется странным, но эти тумачи нередко излечивали ме-

Трое в лодке, не считая собаки

ня — по крайней мере, на время. Случалось, что единственный тумак по голове имел больше действия на мою печень и внушал мне больше нетерпения отправиться, не теряя времени, и тут же проделать то, что требовалось сделать, чем целая коробка пилюль в настоящее время.

Знаете ли, это часто так бывает — простые, старомодные средства иной раз оказываются действеннее целой аптеки.

Мы просидели так с полчаса, описывая друг другу свои болезни. Я объяснил Джорджу и Вильяму Гаррису, что я испытываю, когда встаю поутру; а Вильям Гаррис поведал нам, как себя чувствует, ложась в постель; что же касается Джорджа, он стоял на коврике перед камином и талантливо изображал в лицах, что с ним происходит по ночам.

Джордж *воображает* себя больным; но надо вам знать, что на самом деле у него никогда не бывает ничего серьезного.

В этот момент в дверь постучалась миссис Поппетс с вопросом, угодно ли нам ужинать. Мы печально улыбнулись друг другу и заметили, что придется попытаться что-нибудь проглотить. Гаррис сказал, что часто удается отдалить приступ болезни с помощью полного желудка. Тогда миссис Поппетс внесла поднос, и мы подсели к столу: слегка отведали ростбифа с луком и закусили тортом с ревенем.

Уж, верно, я был слаб в это время: отлично помню, что по прошествии первого получаса пища

перестала меня интересовать — необычайное для меня состояние, — и я даже не стал есть сыр.

Исполнив этот долг, мы заново наполнили стаканы, зажгли трубки и возобновили прежний спор по вопросу о здоровье. Что такое именно с нами, ни один из нас сказать не умел; но все мнения сходились на том, что оно — чем бы оно ни было — вызвано переутомлением.

— Отдых — вот единственное, что нам нужно, — сказал Гаррис.

— Отдых и полная перемена обстановки, — поддакнул Джордж. — Чрезмерное напряжение мозга вызвало общую подавленность всей системы. Перемена впечатлений и отсутствие необходимости мышления восстановят духовное равновесие.

У Джорджа есть родственник, обыкновенно обозначаемый в полицейском протоколе студентом-медиком, благодаря чему Джордж, естественно, усвоил способы выражения домашних врачей.

Я согласился с Джорджем и предложил разыскать какое-нибудь уединенное, забытое местечко, вдали от безумствующей толпы, и промечтать солнечную недельку в его дремотных долинах. Какой-нибудь полузабытый уголок, запрятанный волшебницами вне доступа шумного света, — причудливое гнездо, прилепившееся к утесам времени, куда вздымающиеся валы девятнадцатого века будут доноситься слабыми и далекими звуками.

Гаррис сказал, что в таком месте, вероятно, будет скучно. Он объявил, что знает: я подразумеваю

Трое в лодке, не считая собаки

такое место, где все ложатся спать в восемь часов, ничего нельзя достать ни за какие деньги и приходится ходить за десять миль за табаком.

— Нет, — сказал Гаррис, — если хотите отдыха и перемены, ничто не превзойдет морской прогулки.

Я решительно восстал против морской прогулки. Морская прогулка хороша, когда у тебя два месяца впереди, но на одну неделю это грешно.

Отчаливаешь в понедельник, втемяшив себе в голову убеждение, что будешь наслаждаться. Пошлешь воздушные приветы оставшимся на берегу, запалишь самую громадную из своих трубок и примешься выступать по палубе, чувствуя себя капитаном Куком, сэром Фрэнсисом Дрейком и Христофором Колумбом в одно и то же время. Во вторник жалеешь, что поехал. В среду, четверг и пятницу призываешь смерть. В субботу становишься способным проглотить немного мясного бульона и сидеть на палубе и отвечать с бледной, нежной улыбкой, когда добрые люди спрашивают, как ты теперь себя чувствуешь. В воскресенье снова начинаешь разгуливать и есть твердую пищу. А в понедельник утром, когда стоишь у трапа с саквояжем и зонтиком в руке, дожидаясь высадки, тогда только и начинаешь находить удовольствие в морской прогулке.

Помнится, однажды мой свояк отправился в краткое морское путешествие для здоровья. Он взял билет от Лондона до Ливерпуля и обратно; когда же достиг Ливерпуля, единственным его желанием было продать свой обратный билет.